

Валерий Артемов

МЫСЛИ ВСЛУХ

Сборник стихов

Валерий Иванович Артемов

Мысли вслух. Сборник стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27097337

ISBN 9785448589997

Аннотация

Автор не профессиональный поэт, хотя печатался в периодических изданиях. Поэзия – приятное и чудесное времяпрепровождение автора. Со временем укрепилось желание собрать всё стоящее в книгу. В сборник вошли стихи разных лет. Всё отдаётся на суд читателей – их право выработать своё мнение о прочитанном. Автор надеется на благосклонность публики и будет польщен получить отклики.

Содержание

Минизмы1	6
Минизмы2	8
Минизмы3	10
Спешу	11
Мой мир	13
Слова	15
Рождение стиха	17
Жемчужина	19
Стихи мои	21
Сны	23
Язык	25
Гимн вину	27
Отъезд	29
Язык любви	31
Длина жизни	34
Реквием	36
Скифы	39
Дом	41
Таинство	43
Чужие	45
Факел	47
Кончина	49
Надежда	51

Уфа	53
Он	55
Молодость	57
Разговор с душой	58
Фантазмагория	62
Дорога в никуда	64
Богиня	66
Уход	67
Частицы	69
Манира	71
Выбор	73
Лестница	74
Дине (прощание)	75
Кучка пепла	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Мысли вслух

Сборник стихов

Валерий Иванович Артемов

© Валерий Иванович Артемов, 2018

ISBN 978-5-4485-8999-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Миниизмы1

1.

Он весь такой же, как индюк,
но индюка хоть в суп кладут.

2.

Мы ожиданием живём,
но знаем ли, чего мы ждём?

3.

Два мудреца вопрос решали:
кто между них двоих умней,
и криком так себе мешали,
что не понять, кто же дурней.

4.

Нет писем больше от любимой —
пришёл час песни лебединой.

5.

Как любишь ты с женою мать,
так дети будут вам внимать.

6.

Ты древнюю мудрость земле вороти
и в друга врага своего преврати.

7.

Мужчины беззащитны перед красотой,
как женщины дрожат перед фатой.

8.

Не спешите, друзья! Оглянитесь вокруг:
может, помощи просит единственный друг.

9.

В разлуке видятся нам встречи,
улыбка чья-то, чьи-то плечи.

10.

Всегда все повсюду ругают вино,
но всюду всегда ли виновно оно?

Миниизмы2

1.

Чем хороша собой любовь?
Тем, что, уйдя, вернётся вновь.

2.

Ведёт нас к славе путь един.
Кому-то он, как шаг один,
другой шагает до седин.

3.

Ничто на небе туча. Так вода.
Но даже солнце закрывает иногда.

4.

С горем тяжёлым спешите к друзьям,
с радостью скромной бежите к врагам.

5.

Она прекрасна в платье подвенечном,
но ...не продлится это вечно.

6.

Будь честен сам, тогда вокруг
лжецов сужаться будет круг.

7.

Плоди вокруг себя друзей.
Без них день горести черней.

8.

Предал ты друга своего,

и, значит, ты – палач его.

9.

Кто жаден – вовсе не богат,
богаче щедрость делает в 100 крат.

10.

Ленивый спит и спит, хоть утро миновало,
а после жалуется: ему на всё дня мало.

МИНИЗМЫЗ

1. Не спорь с глупцом! – Великий пенёк
не даст вовек лесную тень.
2. Не торопись, начав свой путь.
Куда идёшь ты? – Вот в чём суть!
3. Найдя любовь – не упускай,
вокруг всё рушится пускай.
4. Вот мысль, хоть в помыслах бедна:
любовь бывает лишь одна.
5. Оставь о вечности мечты.
Не забывай: жизнь – это ты!
6. Чтоб твой закат не канул в ночь,
расти иль сына или дочь.
7. Рождает женщина не человека,
чтоб стать им, нужно жить полвека.
8. Ослу никогда не дано стать слоном —
хоть хобот имей он, а всё-таки гном.

Спешу

...близится моё молчанье...

И. Северянин

Спешу: осталось мало дней,
а я сказать хочу о многом.
Дрожит рука,
бумага в ней
с трудом глотает слог за слогом.
Кому полезен был мой стих?
Кому он был судьбой,
отрадой,
кто в нём нашёл след слов своих,
или явился вдруг наградой?
Кому помог любовь найти,
кто помирился в ссоре с другом,
другой обрёл судьбу в пути,
а некто справился с недугом?
Кто рассмеялся невпопад,
вдруг призадумался немножко
и взял свои слова назад,
кто вдруг утёр слезы дорожку?
Разнообразен путь стиха
к тем,
кто душой ему внимает.

*Порой достаточно штриха,
чтоб в нём увидеть мир, бывает.*

Мой мир

*Чем глубже взор мой в суть вещей уходит,
...тем шире мир становится кругом...*

Р. М. Рильке

И сердцу и уму я пищу находил.

Е. Баратынский

Мой мир другому вряд ли интересен.
Что в нем найдет сторонний праздный ум?
Сомненья, поиски, раздумья? —
бессловесен
«полет» моих невежественных дум.
Мой ум буквально всё интересуется,
его лишь чудо сделает другим.
Он зачастую радостно пасует
в вопросах быта.
Днем живя одним,
я предаюсь не свойственным мне мыслям:
*куда уходит, канув в бездну, день,
какую роль Творец отводит числам,
как порождает свет лучистый тень?*
Пытливый ум стремится дальше,
к звёздам,
где кроется загадка Бытия:
как птицы путь по ним находят к гнёздам,

в чем феномен у них наития,
зачем деревьям каждый год под осень
смертельный пышный царственный наряд,
семь почему цветов небесных, а не восемь,
тьма языков, что люди говорят?

На странностях нелепых мироздания
покоится бессмысленная *жизнь* —
бесцельное случайное блужданье
белковых тел, познавших тяжесть тризн,
не смогших вновь на этом белом свете
свою судьбу себе предугадать.

Безмолвно гаснут звезды на рассвете,
и ни одна не может днем сиять...

Нет,

есть одна,

которая мне светит,
не угасая, ярко целый век.

Давно меня лучи ласкали эти,
бурлила жизнь тогда, как воды бурных рек.

Слова

Летают звуки звонких слов,..
А. Белый

Я так боюсь довериться словам:
они предательски мою раскроют душу,
чей тайный мир словами я нарушу
и потревожу ненароком хрупкий *храм*.
Та скорлупа, в которой я живу,
играет для меня роль жизненной защиты,
за ней мой мир домашний необжитый,
в часы вечерние где грежу наяву.
Лишь сумрак падает, неся с собою мглу,
уносит мысль меня в заоблачные дали:
они реальностью мне рано с детства стали,
и до сих пор несу я им хвалу.
Мне кажется: меня не так поймут,
лишь стоит мне раскрыть для мира душу.
Нет, не поймите ложно: я не трушу,
но в откровениях есть свой какой-то блуд.
Меня, быть может, все фигляром назовут.
Бог с ними!
Но в словах мне виден отблеск мира,
не покидая стен своей квартиры,
я вижу явственно любой его *закут*.

*И, кажется, во мне слова живут,
звучат неслышно, уподобившись зарницам,
искре, блистающей во тьме темницы,
и вырваться не могут всё из пут.*

*Не умерли в моей душе еще твои слова.
Я бережно храню их прежние созвучья,
но изменились нынче мы собственноручно,
и между нами поросла судьбой трава.*

*И странно, но слова теперь нам не нужны.
Они для наших двух сердец теперь обуза.*

А ты?

*Ты превратилась просто в Музу,
и для тебя отныне чувства не важны.*

Рождение стиха

*Но я не размышляю над стихом,
и право никогда – не сочиняю.*

К. Бальмонт

Сквозь мусор слов, нелепицу, аморфность
стучится мысль наружу из стиха;
спустя века тюрьмы, даётся ей возможность
заговорить от первого лица.

Она спешит, торопится напрасно —
её рождение на свет никто не ждёт:
рождаться мысли преждевременно опасно,
а запоздать – пропустит свой черёд.

На лист ложатся строчки-откровенья,
порядок слов как будто бы нелеп,
мысль скачет в рифмах строк попеременно
и прячется в слова, как тело в склеп.

И ничего на первый взгляд не происходит.
Сменяет ночь традиционно яркий день,
сезоны в срок приходят и уходят,
а солнце от всего бросает всюду тень.

Но незаметно смутно что-то проступает

в угрюмых взглядах страждущих людей,
и злость, скрипя, вглубь лика отступает,
и свет в глазах становится родней.

И зимы нынешние, вроде, злеют мягче,
и лето хмурое не так дождит паршой,
и солнце осенью, похоже, светит ярче,
и *сердце каждое становится душой.*

Жемчужина

*Прекрасным мы порой не дорожим.
Микеланджело Буонарроти*

Я обладал жемчужиной,
и вот
она теперь в других руках живет.
Ничто теперь не радует мой взор,
и в душу навсегда пришел разор.

Я обладал сокровищем,
но чьё
оно теперь украсило жильё?
Кто восхищается отныне втайне им?
Довольно ли оно хозяином своим?

Я обладал богатством,
но, увы,..
сегодня нищ, как ветка без листвы.
Бедны теперь желания мои:
в них нет желания искать другой любви.

Я обладал богиней всех времен,
но, видно, Богом не был я рождён.
Теперь со мной лишь призрак божества

и тень следов бывшего торжества.

СТИХИ МОИ

...но я воспоминаньями живу...

Петрарка

Стихи мои, узнавшие свободу,
ведут с людьми негромкий разговор.
Их голос был заведомо и сроду
тобой не слышен почему-то до сих пор.
Живём в мирах с тобой мы разных поневоле.
Кто был причиной отчуждения – вопрос:
то ли обида чья-то, жест какой-то, слово чьё ли —
сейчас неважно, кто что сделал и превнёс.
В итоге долгими тягучими ночами
мараю девственные белые листы,
и каждый день стоит разлука за плечами
и подло шепчет мне, что *ты* уже не *ты*.
Рука тревожно составляет буквы в строки,
из строк слагаются подобие тех лет,
и явь вчерашняя мне приближает сроки
и возвращает юность нашу нам вослед.
Чем больше в прошлом лет, тем нынче жизнь грустнее,
тем бесполезнее ложится в память стих,
слова не кажутся родными и теплее
и чувств в душе не будят никаких.
Слова лишь бледный призрак прежних обстоятельств.

В них нету жизни, не струится жарко кровь.
Хочу любить тебя без всяких отлагательств
и до конца делить с тобою общий кров.

СНЫ

*Живу лишь своими снами,
что снились когда-то мне...*

Мигель де Унамуно

Я стал твой образ забывать.
Ты мне давно уже не снилась.
Ложусь в холодную кровать,
твой образ вспомнить снова силясь.
Я погружаюсь в кладезь снов,
и в каждом ты вновь молодая,
глаза смеются между слов,
и мы живём, ещё не зная, —
судьба мечом коснётся нас
и рассечёт жизнь на две части:
одна – в которой было счастье,
другая – что живём сейчас.
Итог печален и суров,
а результат закономерен:
постель согреть не нужно дров,
жар двух сердец ей боле ценен.
Огонь – субстанция любви,
сгорают в нём сердца и судьбы,
знать наперёд в грядущем суть бы,
спастись от многих бед могли.
Но не судьба...

Планида зла
к нам благосклонною не стала:
сожгла наш храм любви дотла.
Сожгла и пепел разбросала.

Язык

Как выскажу моим косязычьем...
В. Ходасевич

Нет, не хватает мне таланта в самом деле
изящно выражать свою мысль лапидарно:
рифмую строки, подбирая еле-еле
слова, затасканные с древности, попарно.
Как, Боже, выразить обычными словами
боль сердца каждого в его тяжёлом горе,
всю скорбь, пропитанную горькими слезами,
немой укор судьбе в прощальном женском взоре?
Как передать, что сказано глазами,
подслушать звуки все, что шепчет людям море,
найти слова живые между нами,
нащупать истину в бесперспективном споре?
Язык невнятный мой, неточный, деревянный
не может высказать предельно ясно, точно
свое суждение, оценку,
словно пьяный
лаптями взмучивает грязь в канаве сточной.
Со дна вздымается вся гадость нашей речи,
а я пытаюсь сквозь нее узреть луч солнца,
но для меня редки, увы, такие встречи,
как лицезрение микадо для японца.

Бывает, правда, тьфу-тьфу, редкие удачи,
когда для рифмы до зарезу слог мне нужен:
ищу тогда в словах невзрачных, чуть не плача,
подобие на признаки жемчужин.

Гимн вину

Пей вино, ибо жизнь продлевает оно...
Омар Хайям

Люблю в тебе готовность всем делиться...
Буанорроти Микельанджело

*Всегда все повсюду ругают вино,
но всюду всегда ли виновно оно?*
Автоэпиграф

Налейте бокалы полнее вина,
поднимем их разом и выпьем до дна,
а тех, кто считает вино за порок,
хозяйке велим не пускать на порог.
Ни капли хмельной не оставим на дне —
мы истину ищем в прекрасном вине.
Оно будоражит незрелую кровь,
в увянувшем сердце рождает любовь,
смелее мужчины становятся с ним,
и старец считает себя молодым;
у женщин стирает морщинки у глаз,
и служит началом невинных проказ,
ломает границы неровностей лет,
закат превращает наш в юный рассвет,
врагов примиряет и ссорит друзей,

рабов возвышает, низводит князей,
рассудок туманит и вяжет язык,
походку меняет великих владык.

Так выпьем за всё, что приносит вино:
за счастье минут, что дарует оно,
за то, чтобы утром похмелье прошло,
и новое солнце рассудка взошло,
за то, что в угаре нам грезы видней
и круг собутельников ближе, родней,
за легкость, берущую корни в вине,
за юность, которая всюду в цене.

Отъезд

*Отсутствие мое большой дыры в пейзаже
не сделало...*

И. Бродский

Ты уезжаешь, кажется, надолго?
Застанешь ли меня еще в живых?
С сознанием выполненного долга
ты возвратишься из земель чужих
в свою до боли милую столицу
и вновь увидишь кинутый пейзаж,
а в нем почти забывшиеся лица
и между ними мертвый персонаж.
То буду я.
Вернее, то, что было,
когда ты уезжала от меня,
а нынче между нами здесь могила —
неброский холмик, под которым я...
На нем не будет даже обелиска,
ни стелы вычурной, ни камня, ни креста,
лишь тело под землей мое так близко
от ног твоих...
Под складками холста
услышу я шаги твои к моей могиле,
беззвучный плач, стенания, упрек...
Но для меня навек зашло вчера светило,

и я от вашей жизни стал совсем далек...
Теперь меня ничто здесь не тревожит,
я выше стал расчетов и обид.
Душа моя, представ на вечном ложе,
прощает всех, взывает и скорбит.

Язык любви

Любви бы вновь язык заговорил.
Е. Растопчина

Язык любви.
Таинственный и древний,
знакомый всем.
Он первый и последний
там, где есть жизнь.
И нет его древней
во всей Вселенной.
(Что мы значим в ней?)
Его законы знает каждый,
кто знал любовь взаимную однажды,
кто взгляд ловил
неповторимых глаз,
кто был любим
и кто любим сейчас...
В нём жест имеет силу царской власти,
жестокость палача.
И на две части
он разделяет мир
с седых времён,
хотя связал собою
тысячи имён.

И нет ему ни равных,
ни похожих —
он вечный гость
среди других прохожих
и будет вечно жить,
пока жива любовь,
покуда наша плоть
душою ищет кров...
Пока смерть впереди...
И слава Богу!
Пусть разум ищет
верную дорогу —
язык любви указывает путь,
и по нему всё время кто-нибудь,
страдая, движется
и любит неизменно,
как любят в юности:
возвышенно и нежно.
Как любят божество...
И, может, потому
всегда ли сердце следует уму?
Кто любит – любит не напрасно.
Пусть ты обманут,
но ужасна
жизнь без любви!
Как мир теней:
ты в чувствах нем,
незряч,
душой бедней.

И каждый миг без чувства —
миг напрасный,
как без любви
любой из дней – ненастный.
Когда чувств нет,
молчит язык любви.
Мертва душа, утратив *визави*,
и блекнет мир вокруг,
окутанный туманом,
тускнеет взгляд любви
и меркнет.
Непрестанно
уходит молодость
и надо бы спешить,
покуда молоды,
и нам дано любить
мгновенья жизни золотые —
они среди дней мёртвых
лишь живые,
и мы их помним вечно потому,
что дни невзгод не нужны никому.

Длина жизни

*Я не знаю – далёк ли иль близок мой путь...
Халифа аль-Вукьян*

Кому известна длительность пути,
что нам придётся каждому пройти
по этой жизни, сетуя на Бога
за то, что нам такая выпала дорога?
Со всей ответственностью смею утверждать:
его длины не будет нам хватать,
и сам процесс движения конечен,
и, значит, каждый крахом обеспечен.
Вот только лишь вопрос стоит весь в том,
когда и где встречать могильный холм?
А это неминуемо случится,
ведь жизнь – трагедия, где занавес – «гробница».
Для тех, кто думает, что тлен – удел других,
пусть вспомнит всех ушедших «вниз» родных.
Пусть вспомнит всех тотчас и ужаснётся.
Но *демиургу* всё никак неймётся,
он жаждет новых каждый миг гостей,
наш глобус – кладбище сплошное их костей.
Глядит в смятении Вселенная на Землю.
Ей невдомёк кощунство наших злых божеств,
я их стратегию по духу не приемлю

и жду узреть от них миролюбивый жест.
Всё вертится вопрос: где ж справедливость свыше:
один в младенчестве уже не дышит,
другой воз тянет до преклонных лет,
растягивая жизненный сюжет?
Приходит мне на ум одна причина:
Бог сам не знает каждого кончину.
Есть, верно, где-то высшее по духу существо,
у коего во власти наше естество,
и вот Оно всем миром управляет,
но подозрение: Оно про нас не знает.

Реквием

*Солнце русской поэзии закатилось...
«Литературные Прибавления к „Русскому
инвалиду“»*

Угасло солнце нашей лиры —
разверзлось небо над Невой,
мглой половину мира скрыло,
и сумрак властвовал в другой.
Не стало нашего кумира —
умолк навеки.

Неживой.

Давно ль гордилась им Пальмира?
И вот теперь – в земле сырой...
В расцвете сил, в свой звездный час
наш светоч разума угас.

Парнас лишился командира,
Россия – гения и сына...

Земля на ум осиротела,
подобный Данте.

Вопль кругом:

Россия юнкерское тело
дарило Вечности тайком!..
Рыдал холодный Петербург.
Но слишком поздно!
Слишком вдруг!

Могла ли мачеха – столица
потерей горькой укориться
чужого сына?

Так же всласть
балы давала знать и власть,
а тень убитого поэта
ещё жила на тех балах,
её ещё не тронул прах,
и тело, канувшее в Лету,
взывало к мести россиян
за смерть

поэта всех славян...

А что же вы, друзья поэта?
Где были вы тогда при этом?
Ну почему никто из вас
(хотя бы лучший друг Данзас)
не встал под дуло пистолета?
Пусть с вас сорвали б эполеты
и за дуэль подальше с глаз
сослали в крепость на Кавказ!
Но нет!

Никто не встал к барьеру:
все берегли свою карьеру!

И вот финал:
поэт убит —
певец свободы и харит...

Нет,
ты не умер!..
Ты живой:

в глазах людей твой виден пламень,
ты – наш *краеугольный* камень,
второе солнце над Невой!

Ты с юных лет владел умами,
повсюду царствовал твой стих,
как Бог, ты властвовал сердцами,
врачуя раны душ людских,
беспечно гением блистая.

От Альбиона до Китая
нет сердца, чуждого тебе!

Но как любим ты на Неве!!!

Ты – вечность нашего досуга,

питомец Севера,

сын Юга,

любимый общею молвой...

Чем дальше век твой отступает,

тем ниже голову склоняет

перед тобою твой народ...

В нем имя «Пушкин» не умрет!

Скифы

Да, скифы – мы!
А. Блок

Мы скифское племя, потомки Орды,
хотя в нас от *чуди* замес до *мордвы*.
Мы дикие, тёмные дети степей
и любим приволье до мозга костей.
Никто никогда нас не мог покорить,
мы – дети свободы, нас легче убить,
чем шею заставить набросить аркан.
Мы в добрых соседях со множеством стран,
но если кому-то не нравимся мы,
ну что ж, можем дать им любовь к нам *взаймы*.
Быть может, они добредут до нужды,
что добрый союз лучше грязной вражды.
История наша с древнейших времён-
строительство дома различных племён.
Мы всех принимали под руку свою,
и каждый нашёл своё место в строю.
*Мы стали землёй незакатной страны,*¹
и тысячи лет можем жить без войны:
у нас есть и реки, и горы, и лес,
моря, океаны со льдами и без,

---

¹ Л. Ошанин поэма «Александр Македонский»

мы в недрах имеем полмира богатств,
и нивы без счёта давать могут яств,
раздолье просторов не знает границ,
и зверя достаточно, рыбы и птиц.
Обилием всех мы прельщаем к себе.
Что может быть лучше рыбалки в тайге,
когда раздвигает заря ночью тьму,
костёр на полянке чуть тлеет в дыму,
светило встаёт, затмевая луну,
и свежий туман умывает страну.

Дом

(подражая Бернсу)

И вновь молюсь – войди же,
Сон, в мой дом!

Д. Китс

Я был счастлив здесь, и уже не буду.

И. Бродский

Здравствуй, дом!
Прощай, дорога!
Я у милого порога —
всё осталось позади!
Больше, путь, меня не жди!
Я вернулся невредимым
на свиданье с милым сыном.
Не слезает дочь с колен —
сладок мне семейный плен.
Хороши, здоровы дети —
лучше счастья нет на свете!
Наливает мне вина
ненаглядная жена —
хорошо мне с ней вдвоём:
дети в нас – мы в них живём!

*Счастье каждого в простом:
дети, женщина и дом.*

Тайнство

*В груди моей пламя тобой зажжено.
Ибн Абу Раббихи*

Ночь. Луна. В гостиной сумрак.
Ты на пледе в полутьме
у проёма, где почти мрак
отдыхаешь в полусне.
Проступают сквозь нечёткость
сладость линий черт твоих,
силуэт, накинув легкость,
на диване чуть затих.
Ты, возможно, жаждешь ласки?
Не волнуйся: вечер наш —
ночь длиной, как на Аляске, —
превратится в антураж.
Ночь Творцом даётся людям,
чтобы сдёрнуть с тайн печать:
прикоснуться к женским грудям
и найти к тайнству гать.
Упоительное время —
миги мглистой тишины:
знак ронять святое семя
в час полуночной луны.
Всё трепещет при блаженстве,

гаснет разум, спит инстинкт,
чувства тонут в совершенстве,
спрятав время в лабиринт.
Бестелесность окрыляет,
превращает вечность в миг,
но душа, увы, не знает,
что за вечностью – тупик.

Чужие

Порознь! – даже на ложе брачном...
М. Цветаева

Два чужих и разных человека
жизнь всю спят вдвоём в одной постели,
чувства их давно уже истлели,
но казнят себя они собой полвека.
Всё забыто: молодость и нежность,
страсть, влюбленность, преданность и чувства —
всё теперь похоже на распутство,
и осталась только стылая любезность.
Нынче тело, рядом спящее, не греет,
не волнуют кровь прикосновенья,
эпизоды жизни только где-то звенья
тех вериг, что держат их.
Имеет
только то значение в их жизни,
что для всех являлось прежде формой брака,
а теперь пылилось в недрах раки
и, по сути, представляли просто тризну.
Ни слова, ни взгляды здесь не значат,
среди стен живёт лишь оболочка
тонкая и полая, как бочка,
а по существу судьба о счастье плачет.

Здесь сердца не жаждут биться вместе,
пальцы рук не ищут уз сплетенья,
грудь не посещает жар томленья,
а глаза мертвы, как труп на лобном месте.
Два чужих и разных человека
прозябают целый век вдвоём без счастья,
раньше каждый был другого как бы частью,
а теперь они бездушные калеки.

Факел

*Так любовь коротка, так огромно забвеньё.
П. Неруда*

Как мало пламенных ночей
судьба нам в жизни подарила.
Иссяк внезапно наш ручей,
найдя в любви свою могилу.
С тех пор глотаю серость дней,
пустынность вечера и утра,
и с каждой ночью всё видней
в грядущем прошлое как будто.
Цепями с *прежним* связан я.
Оно меня не отпускает.
*Года бегут быстрее дня
на склоне жизни*
и не знают:
*спешить бессмысленно всегда,
жить надо прожитой минутой
дни не вернутся никогда*
в загробной жизни пресловутой.
Угаснет жизнь земная,
и
померкнут в памяти дни детства,
и вспыхнет факел вечности,

но мы уже не сможем греться.

Кончина

*Мы мним себя владыками судьбы,
Хоть в самом деле мы её рабы,..*

В. Гёте

Стою на погосте у края могилы.
Орёл, с отдаленной поднявшись вершины,
глядит с интересом зрачком на меня:
– И кто же осмелился в эти края?
И что ему надо в далёком углу? —
И думает, видно:
– Я, брат, не пойму.
Зачем ты приехал, и что тебе нужно?
Мы тысячу лет здесь живём вместе дружно:
и люди, и звери, и птицы, как я,
мы издавна, вроде, большая семья?
– Меня привела в этот край мой кончина:
здесь сердце остыло недавно дивчины,
глаза потускнели, улыбка сошла,
и взгляд отрешился, и смолкла душа.
Она не успела напиться любовью,
познать материнства усладу,
и болью
наполнены были последние дни,
глаза целовали ей слёзы одни,
ладони мужские не гладили плечи,

подружкам своим было хвастаться нечем.
Зачахла, угасла, истаяла вся,
и вздох оборвался, враз жизнь унеся.
Исчезла бесследно в лазоревом свете:
ни строчки, ни слова нет больше рунете.

Надежда

Проходят быстро наши годы
волшебных красок юных лет:
жестоки правила природы,
и исключения в них нет.
Нас юность мигом забывает,
стремглав промчавшись, как тайфун.
В нём сущность наша увядает,
как лист под плач осенних струн.
Чем ближе к вечному порогу,
тем нам яснее: близок час,
и собраться в путь-дорогу
кому-то выпало из нас.
И озирая путь прошедший,
не усомнится ли душа:
а был ли прок в душе ушедшей,
что спит в могиле не дыша?
Зачем родился, жил и умер
цвети мечтавший вечно дух?
Кто подаёт на Землю зуммер,
кто нас изводит, словно мух?
Сначала юность нам давалась,
что стала старостью потом,
затем жизнь смертью оказалась,
а та – преддверьем в вечный дом.

Когда и где нам вечность вручат,
подарят молодость навек,
научат, дав волшебный ключик,
как вечно длить течение рек?

Уфа

Мне этот край воочию увидеть...

Мажит Гафури

Мой край, возлюбленный навеки!

Мустай Карим

С высоты орлиного полета
город мой глядит на Агидель*,
а она, не вняв его заботам,
убегает в степи, как газель.

Две сестры-реки** внизу обнялись,
слившись крепко в вечный поцелуй,
каждый год их пойменные дали
будит эхом шумный сабантуй.

На Земле немало разных градов
и прекрасней, может, чем Уфа,
но она не хуже Ленинграда,
и не менее прекрасна, чем Москва.

Тихий вечер. Шелест волн. Дремота.
На утесе город-цитадель.
Сколько лет, являясь нам оплотом,
он глядит в прозрачную купель?

Над вечерним городом прохлада
опустилась белой пеленой:
этот город мне бросать не надо, —
шепчет каждый камень мостовой.

В сны мои приходят постоянно
улицы твои, огни, дома.
Здесь провел я молодость, но странно,
будто это было лишь вчера.

Спит в ночи *жемчужина Востока*,
ей судьбой указан звездный путь.
Я прошу тебя: не будь ко мне жестока,
дай хоть издали любить тебя чуть-чуть.

*– река под Уфой

** – г. Уфа стоит у слияния р. Уфа с р. Белая (Агидель)

Он

*Все заботы ваши возложите
на Него, ибо Он печется о вас
Послание апостола Петра*

Он шёл в толпе.

Толпа гудела:

мир жаждал страстно перемен.

Жизнь диктовала брэнность тела,

и дать никто не мог взамен

могил всем алчущим бессмертье,

исход поскольку всех – погост.

Таков закон, и с ним, поверьте,

вопрос был в сущности не прост.

В толпе посеялось унынье:

в ней каждый жаждал вечным стать,

но с первых дней Земли поныне

за это Бог велел страдать.

Тогда сказал *Он*:

– Вы все смертны,

поскольку волею мертвы,

в вас *духа* нет, вы все инертны

и не имеете, увы,

внутри себя, насколько знаю,

той божьей искры от огня
небесной веры.

Заклинаю

священным духом алтаря:

отныне я *Завет* нарушу,

и кто со мной к *Отцу* пойдёт,

тот обретёт за веру душу

и с ней в Рай путь себе найдёт.

Тогда-то станете бессмертны,

лишь тело смертно будет в вас,

и силы злые будут тщетны

взять вашу душу в смертный час.

Молодость

В тебе я вижу молодость свою,
но возраст мой ушёл, я полагаю.
Теперь я *нем*, но и немой пою —
беззвучно гимны новые слагаю.
*Но слышишь ли в последних песнях ты
в тоске и горечи моих раздумий голос?*
Всю жизнь с людьми я возводил мосты,
а вот с тобой не связывает волос.
Я далеко уже ушёл один вперёд:
мне следуют скелеты скорбных мумий,
вокруг тебя же радостный народ,
лишённый нынче горестных раздумий.
Твои друзья беспечно вдаль идут.
Они не ведают, что этот путь не вечен,
хотя известен всем его простой маршрут,
но всё коварство в том, что этот путь конечен.
Да, молодость – волшебный дар судьбы,
но долго ли продлится буйство крови.
Сдадутся старости все быстро без борьбы,
увянув, как цветок осенний в поле.

Разговор с душой

*Там несравненно всё – и небо, и растенья,
И воздух, и земля, одетая травой.*

Иби Хамдис

Не дожидаясь слов ответа, спешу я вновь письмо писать,
так истомленная разлукой моя душа не хочет ждать.

Ей в этом мире много ль надо? Лишь кто-то в мире
близкий был,

и чтоб встречал её с отрадой и верность ей всегда хранил.
Ну что возьмёшь с душонки тёмной? На ней ведь даже
нет креста.

Ухта ей кажется огромной – вот как душа моя мелка.

Уж сколько раз я ей темяшил: мол, не надейся и не жди.
Ну что тебе желанья наши? Ну чем снег лучше, чем
дожди?

Ну разве плохо жить без дома? Везде, где б ни был –
дома ты.

Как вспомню: вечером истома тревожит прежние мечты,
костёр горит, туман садится, и мы в промозглой мгле
сидим...

– Душа моя, чего не спится, ну что вновь видится за ним?

– А вижу я страну большую, где брату – брат, сестре –
сестра,

где я с тобой вдвоём кочую, где дуют вольные ветра,
где нас встречают дорогие родные близкие сердца,

где видим мы глаза другие, родные близкие глаза;
страну, где любят с детства честность, страну, где любят
с детства ум.

Найди еще такую местность, где ценят счастье
высших дум.

В ней расцветают райским садом искусство, музыка,
любовь.

Нам б это всё казалось адом, и было бы не в глаз,
а в бровь.

– Душа моя, ведь не бывает на свете стран, что
гредишь ты,

их всех невежество сметает мечом, огнём в тартарары.

Ну может час иль миг та честность прожить среди лживых
и худых?

Но чтобы это длилось вечность, не верю я.

– Волос седых

своей бы бабки постыдился иль деда, неслух, своего,
что в поле до ночи трудился за ради пуза твоего.

Мне в жизни много люди врали, но я тебе не буду врать,
была честна с тобой вначале и мне с лжецов пример
не брать.

В стране бытует между всеми родство не тел,
а честных душ,

и подозрительности семя не смеет бросить строгий муж
своим собратьям по Парнасу. Ах, музы, музы! Только
с вами

из зверя зреет человек, без вас меняясь веками,
не образумится вовек. И девять муз живут в почёте,
как будто граждане страны, а вся страна парит в полёте,

как мы, когда нам снятся сны.

– Душа моя! Какое дело нам всем до сказочной страны?

Ведь ты вчера совсем не ела, мы двое суток голодны.

И разве музыка, поэты сумеют вычистить любовь?

Кому из них под силу это, кому охота портить кровь?

Ведь не бывать у всех талантам, не все с рождения умны,

ведь и не всё давалось Данте. Заслуги наши же скромны.

Ведь кто-то должен жать и сеять овёс, пшеницу по полям,
чтоб мог баран до плова бляеть и шерсть растить
на шубу нам.

И, значит, этим хлеборобам не до стихов и не до нот,

и в антураж промокшим робам совсем не смотрится
блокнот.

И кто-то им любовь подарит, желаньем в полночь уведёт
и наготовю в пах ударит, бессильно в травы упадёт.

И будут все им безразличны: поэт, писатель, музыкант,
актёр, художник, как обычно любой заслуженный талант.

Так люд простой культуру «ценит», искусство «носит
на руках»»,

мораль ему – предмет без цели, шедевры – видимость
в кустах.

Кого ни взять, кого ни вспомни великих мира по сей
день —

всех их преследовали козни, за каждым шла страданья
тьень.

– Уж больно мрачно ты рисуешь судьбу избранников
богов

и скучно жизнеописуешь дни покорителей миров.

– Ну, может, я сгущаю краски, и, может быть,

несчастья нет,

и наши беды только маски, былого счастья мнимый след.
Но всё равно теперь не в моде ценить изящество и вкус,
страдать и плакать при народе под впечатленьем
гордых муз.

Теперь у нас другое любят, не то, что раньше, в старину.
Прогресс любые чувства губит и топчет нравов седину.

– Но ты неправ, мой повелитель! Жива же до сих пор
любовь,

в сердцах снискавшая обитель и тайн секретов, пьющих
кровь.

– Да, ты права. Но слишком долго с тобой ведём сегодня
спор.

Оставим диспуты о долге, как раньше было до сих пор.

А будет время, так с желаньем вернёмся к спору
снова мы.

Надеюсь я, что ожиданьем не будем мы утомлены.

Фантасмагория

*Две вещи наполняют душу всегда... – это
звёздное небо надо мной и моральный закон
во мне.*

Иммануил Кант

За окном шумит залив – шторм крепчает к вечеру.
Волны плещутся, забыв, что ловить им нечего.
Я привычно нахожу почту на компьютере.
Посмотрев её, сужу, кто сегодня в твиттере.
Отмечаю тех, кто мне кажется достойнее.
Выбираю лексикон дамам попростойнее.
Отправляю почту всем. Погружаюсь в «Оперу».
Начинаю смотреть всех тем, что идут по номеру.
Присылают спам, туфту, видео различное.
Эх, послать бы всех в Ухту – там места приличные.
Но приходится терпеть всякую собачину
и глотать с трудом всегда эту отсебятину.
Взор мой мысленно скользит в дебри, хляби космоса,
проникая в звёздный мир по законам осмоса,
будто кто-то там манит в ночь меня настойчиво.
Я теряюсь и даю свой ответ уклончиво.
Может, где-то далеко на краю Галактики
некто вдруг живёт сейчас – мой двойник семантики.
Он не знает, что он – я, что его субстанция
та же, что и у меня на такой дистанции.

Совпадать должно в нас всё, даже все желания,
ведь не зря мы с ним живём в сходных очертаниях.
Как же будем мы делить даму сердца верную,
ведь и он в неё, как я, был влюблён, наверное?
А она разделит как между нами функции,
может, ей дано, как нам, право инволюции?
Обозреть не может ум все хитросплетения
нашей сущности, и вряд мы закончим прения:
*может ли пройти любовь через все страдания
или гаснет, как костёр, утонув в рыданиях?*
Проза жизни учит нас: всё исчезнет в тартаре,
даже то, что вечно в нас, в душах и характере.

Дорога в никуда

*Как нас обманывает жизнь и предаёт.
Саид Ибн Джуди*

Встаёт неслышно розовый рассвет.
Ты в это утро на год постарела,
и на лице твоём проступит свежий след,
как знак того, что не свежее тело.
Но не печалься прежде, ты же не умрёшь
в расцвете сил, застигнутая смертью:
твой жизни след заведомо похож
на длинный путь, бегущий в небо степью.
*Поскольку жизнь – дорога в никуда,
ей суждено Творцом иметь своё начало,
конец пути у каждого – судьба
безжалостного грозного финала.*
Блуждает разум наш, для поиски во тьме,
желая сделать тайное известным,
мысль наша с детства бьётся, как в тюрьме,
духовность возвышая над телесным.
Среди правдивых лживость не в чести,
ведь от обмана в жизни мало проку,
я не смогу тебя от старости спасти,
так как я сам подвержен этому «пороку».
Как может быть счастливым человек,

когда над ним довлеет меч угрозы,
который в каждый миг прервать способен век
любой души путём метаморфозы?

А потому спеши как можно полно жить:
жизнь коротка, и дни в ней безвозвратны;
сумей свой каждый миг в столетие продлить
и проживать день каждый многократно.

Богиня

Ах, что за чудо это существо!

Д. Китс

...все правда в ней, и все необъяснимо.

Райнер М. Рильке

Когда Всевышний образ твой
в душе своей ваял,
не понимая, может, сам,
он чудо создавал.
И дал тебе свои черты,
и ты,
богиней став,
предстала гимном красоты
и жрицею забав.
И вот теперь чаруешь мир
гармонией всех черт,
как драгоценнейший сапфир,
в священном храме лет.

Уход

*Но рок сильнее нас.
Е. Растопчина*

Друзья уходят понемногу
безмолвно, тягостно в *астрал*,
как будто строй идёт не в ногу,
вразброд, предчувствуя привал.

Вот и тебя теперь теряю —
кусочек жизни общий наш,
и станет наш приют
без рая
безлюдным,
как лесной шалаш.

Тебя не станет, но
пространство
жить будет именем твоим.
Оно тебе так постоянство
к ногам положит *неживым.*

А люди?..
Скоро нас забудут:
людская память не для нас —

другие радости их будут
интриговать, чем наш *анфас*.

Частицы

Ты – частица,
я – частица —
микромир мне ночью снится:
ты летишь,
и я лечу,
в бездну я,
а ты к лучу,
что разрезал нашу плоскость.
В этом вся таится тонкость.
Носимся мы по орбитам
возле атомов обвитых
ты в своей,
а я в своей
траектории полей.
Как сойти нам со спирали,
чтоб свободы гран узнали.
Крутимся среди протонов,
как лакеи возле трона.
Ты – частица,
я – частица.
Может, нам с тобою слиться?
Будет новый квант в природе
или что-то в этом роде.
Может, новая крупица,

у которой будут биться
сердца два,
но как одно
станет нам теперь оно.

Ну и вытянутся лица
у знакомых: что за птица
в поле вдруг моё попала,
но в мгновение пропала?

Тяготение моё —
слишком пагубное.

Всё,
что в мои досталось руки,
обретается на муки
с колыбели до одра,
то, что жило до вчера.

Манира

*Неужели сиреневый дым
В мир фантазий уже не поманит?
Мир, который вчера был моим,
Быть сегодня моим перестанет!?*
Фарахутдинова Манира

Тяжел был твой печальный век,
и участь нелегка:
судьба не жалует калек —
их доля всех горька.
Предположить никто не мог,
из нас, что много лет
студентка скромная без ног
в душе была поэт.
Вокруг кипела и цвела
другая жизнь подруг,
а ей удел – быть у стола,
где ждал родной досуг.
Когда зимой пришла беда,
и ты лишилась ног,
казалось, замерли года,
свершился жизни срок.
Боль в юном теле заглушив
еще не до конца,
судьбы услышала призыв:

будить строкой сердца.

Ты сотворила целый мир

в родившихся стихах,

а смерть нашла в земле башкир,

оставив нам свой прах.

Мелькнула горестной судьбой

на небосклоне лет,

но стих, написанный тобой,

оставил в душах след.

Пройдут года чередой эпох,

и кто-то, верю я,

прочтя твой стих, подавит вздох,

коснувшись искр огня.

Выбор

Опускается сумрак с небес,
зажигаются звёзды во мгле,
засыпает таинственный лес,
гаснут солнца лучи на столе.
Что же вечер волнует мне грудь,
за околицу ноги несут,
будто встречу там жду с кем-нибудь,
от которой свершится мой суд.
Стихло всё. Только голос цикад,
да стук сердца тревожный в груди,
надо мною немой звездопад
и тревожная даль впереди.
Где-то там на росистом лугу
ждёт меня, не дождётся судьба,
я её разлюбить не смогу,
и к ней рвётся из сердца мольба.
Ни сокровища все, ни дары
не заменят мне в жизни её
до последней осенней поры
буду Бога молить за неё.

Лестница

Бегут дни за днями,
за месяцем месяц,
и годы сливаются
в ленточку лестниц.
Живу, поднимаясь
всё выше и выше
по ней в синеву
на небесную крышу,
где встречу, казалось,
прекрасные лица
безоблачной юности.
Но...
повториться
счастливое лето
не может и в грёзах
увянувшей плоти
в наскучившей прозе.

Дине (прощание)

Мне – смерть, тебе – бессмертье суждено!
Джон Китс

Ни глаз теперь я не увижу,
ни речь прекрасную твою
уж больше тоже,
я предвижу,
мне не слышать в моем краю.
Ты вдруг ушла куда-то в вечность,
теперь *там* будешь нам всегда
служить паролем в бесконечность,
сезамом дружеским *туда*.
Ты стала прахом грёз,
и опыт
теперь твой знает,
что есть смерть,
судьбы знаком тебе стал хохот,
ввергавшей всех в земную твердь.
Мы слишком скупно награждали
тебя улыбкой и теплом
душевым.
Все чего-то ждали.
И вот дождались...
Бьют кайлом

тебе «хоромы» на болоте.
Не обессудь за сырость, грязь.
Угас вскрик (чей?) на скорбной ноте,
в твою не веря ипостась.
Зачем пишу я эти строки? —
Ты не прочтешь их никогда.
Хочу снять грех с души.
Пусть сроки
вину загладят. Но когда?

Кучка пепла

O tempora! O mores!
Marcus Cicero

Я столько лет прождал тебя напрасно.
Наивно думал, что напишешь, позвонишь,
но постепенно становилось сердцу ясно:
не вспомнишь, не напишешь, не простишь.
Когда-то жизнь казалась мне забавною игрушкой,
с которой баловаться можно было всласть.
Казалось, можно позвонить всегда, была бы только
двушка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.